

А по колпашевской торцовке
Несмись ногами, форонки".
А дни футбольные трудовки
Веси гехисте, муржесте.

А рядом Обь-река струилась,
Её бурлистая спина.
Валка в обрыв песчаный билась,
Своей работой шельна.

И на её косматой гриве
Взлетела остяцкой облак.
Но тайна, скрытая в обрыве,
Уже бурлила песок.

А время как души не логит,
А память предвдвдвейт иск.
И, словно колокол на Зеге,
Сзывает к душе обделек.

Пусть эта яма, как набат,
До слуха каждого прорвётся,
И в каждой сердце отзовётся,
Как это прошлого стократ.

Река Чая и район Чашкекеей, край политегеекеек севельных, как и вся наша Сибирь - ма тушка, край болот, бесше-
ленних озер, смарин, проток, рудей-
ков, кееуцеек теекееу, как гай, вodu
к Большой реке.

Деревня Трешкекеек, где кеекее мои
сееельные родители, находимее в шееей
сееякее с Чай, другой, меньшей ре-
кеекее, с созвучным названием - Тоя.
Чая была судоходной, а по Тоя шее мо-
дой след шее.

Верховья Тои теекее в девешеекеей
тайке и торжеекеек, где землей, в кеекее-
сеекеекеек кеекеек, примитивным спосо-
бам шее заготовка шее. Работали в ос-
новном сеекеекеек всек национальностей,
ку котореек большая доля была прибайкальцев.

О каторге и каторжеекеек сеекеек
мне от учителей на уроках. Да что было
говорить - мы сами были детьми катор-
жеекеек и каторжеекеек ~~сеекеек~~ ^{окружам} кее. Кре-
постное рабеекеек, отменеекеекеек веекеекеек
указом в 1861 году, вновь было веекеекеек
леко в их веке с великим размахом.

Слово война слухом доходило до детского сознания, а вот стихийное бедствие - наводнение, обрушившееся на бог знает за что, папкею хорошо.

Водяной вал, как ударная волна, катился с верховий Чаи с ослепительной скоростью. Во мгновение ока вал поймал Чаи и Точи были затоплены. Береговая крапка, на которой ютилась деревушка, исчезла под водой с ужасающей быстротой. Стихия разграбляла ногою. Как, детей, не будили до утра, выносили вещи на гердак, Дедушка и мама пытались построить плот из жердей городьбы и досок. Бабушка затопила печь, надеясь сварить завтрак для семьи. Под пальме хитрала вода - обваливались стеньки подполья. Неприбитый половник вскоре подняло водой. Дальнейшее пребывание в доме было опасно, и бабушка оказалась ой своей затеи.

Отказаться пришлось и от постройки плота, т. к. материала явно не хватало. Когда нас, детей, вывели на гердак в четыре часа утра, через наш огород уже мчался поток, несся с собой всякий хлам. Шум стоял неимоверный, в который влетали неистовый лай собак и рёв обесчеловеченных коров.

У дома осталась небольшой бугорок, где стояла лентница, ведущая на пердак. Вскоре и он исчез под водой, и дедушка втянул лентницу под крышу, будто в этом было наше спасение.

Полумрак пердака, как воски, перешёл в настоящий сон, и кошмары, и ужасы первой ночи остались в памяти взрослых.

Дедушка с багром в руках всю ночь держался на крыше, отводя удары брёвен и коряг, лавившихся ~~в~~ ~~в~~ в сплошной ^{потоке} ~~потоке~~. Дом подрагивал, поскольку уровень воды уже скрывал окна. Уцелел лишь потому, что был наполовину вкопан в землю, и его не смело водой.

Только первое утро, солнечное, ясное. Вокруг растопталось настоящее море. Опертания берегов Чаи и Тои угадывались только по макушкам гв и тальников, кое-где торгавших из воды и подрагивающих под её напором. Некоторые дома деревни были смещены, были головы и шеи жертвы, погиб скот.

К полудню пришла лодка и перевезла нас на пердак здания маслозавода, торцел стоящего с ледником, глубоко вкопанным в землю, по отношению течения. Там уже было много сетей и

да, мне кажется, что мы были тогда одной большой семьей. Стихийное бедствие сглаживало людей, взаимная помощь помогала пережить трудное время. На гердаке постоянно шумела большой племур, на котором готовили пищу на всех "пелыцов". Мы грели воду - благо, она была рядом и её можно было зачерпнуть ведром, прямо с гердака.

Не помню, сколько дней мы там прожили, но однажды, ветренными пасмурными днями, когда сильно "штормило", волны с шумом ударяли в ~~стену~~ ~~стену~~ ~~стену~~ ~~стену~~ ~~стену~~ стены, а бризы влетали через разобранную палатку фронтона на гердак, из Гудгорного пришел спасательный катер и перевез всех на "большую" землю - высокую гряду, как остров, возвышавшуюся вдалеке над водой. Здесь мы и прожили до конца наводнения.

Картонку едали в штиль, а копали тогда, когда ногги заморозки сковывали землю, а днём пролетали белые "мушкетеры". И к нарастающей неесточной и затапной войне добавилось ещё одно горе - голод, и наши мамы, меняя одежду на продукты, вскоре осознали, что называется, в чём мать родила.

Но никакое стихийное бедствие, про-

шей страну после воцарения каммунистического террора, когда, прикрываясь народной фразой, разглаговетвуя о светлом будущем, лейбодигееки, год за годом, умиотожали миллионы людей стране, осуществляя на практике дарвиновскую теорию искусственного отбора.

Один из теоретиков большевиков Н. Бухарин в своих трудах пишет:

— «Расстрели — есть способ выработки каммунистического человечества из ~~человеческого~~ человеческого «материала» капиталистической эпохи».

Обратите внимание — «человеческом материале». Какой ценуре! Какое бездушие и бездуховность! И какое светлое будущее могли они построить, если жизнь человека — ничто, если собственннй народ для них не более, чем «материал»: доски, щебенъ, песок, глина...

На одном из съездов Сурлов в своём докладе, подводя итоги строительства каммунизма, говорит:

«... (мы) создали общность советских людей.» Так английский фермер, отправля на мясо одних и оставляя на племя других, создает новую породу овец.

Сельва наша состояла из восьми чело-

ри - моя мама и её сестра. У обоих по двое детей.

Убогое жилище, в котором мы жили - бывшая баня НКВД. Два маленьких окошка у самой земли, т.к. строение наполовину ~~закопанно~~ ^{закопанно}. Шестнадцать квадратных метров, по два квадрата на человека. Тараканы и клопы. Сверчок под печкой. Замёрзшим, как бельма слепого, окна земной. Подготовка хвороста взрослыми для легко холодной печи, где мы сидели вшивыми, голодными, как крысицы с какими-то рваными. Колени над столом на пологие. Картошка в мундире по счёту, если удавалось её купить, или вылезать на уши. Парёнка из тыквы или брюквы, жареная на плите пластиком германская редька. Квашеная, сметанками, капуста из погреба. Редко - мороженая брусника. Сушёные кислые лепёшки из голубики. Как праздник - жареные тыквенные семечки. У стены ^{вверху} книги мамой или тёткой Нюрой ~~вверху~~ ^{вверху} перед раскрытой дверкой плиты. Всё это, как вырванные листы из большой книги, где перепутанные страницы.

В пять лет научился ходить рысью и

(7)

~~ве — кеплонка, на кеплонке кусок старой~~
сетки, смолекной в дёгте — едичешвенном
средстве от гнуса. Уши мои и шея сое-
тены дёгтем, нос облупился от солнца, гла-
за внимательны следят за поплавком.
Недобринная гладь реки отражает нежно-
розовую зарю и прибрежные тальники.
Взвешиваю, а мне никак не хочется поки-
дать речку. Наконец приходит мама и
уводит меня домой.

Бабушка, принимая от меня бидон-
чик с рыбой, говорит:

— На ужу плавит.

Малец, пять лет от роду, а уже кормил
сельню.

Дедушка мой по материнской линии
был священником; у себя на Украине окон-
чил духовную семинарию, но всю жизнь про-
работал учителем математики, и только
после "переворота" спасая свою много-
детнюю сельню, стал работать священ-
ником. За что и угодил в Сибирь, как
классовый враг. Но и этого зластья ока-
залось мало. Был обвинён в связях с бело-
гвардейской повстанческой организацией,
арестован и судим на 10 лет. Вернулся
через три года глубоким инвалидом.

Нередко по религиозным праздникам
к нам приходят...

к дедушке с различными вопросами, в том числе и на религиозные темы. От него я узнал о драмееях и драмеейейве. И надо сказать, что они были и есть, и не только по отношению к религии. Ещё больше их в светской жизни. Но я не помню, ни одного случая, чтобы дедушка навяживал нам, детям, Бога. Человек умный, он понимал — новое время. Поэтому не делал из нас жертвенных агнцев.

С ним я ходил в сокру, где мы серпами жали траву на козках, а потом вязанками выносили на твёрдые места для просушки на секи нашей короле Маньке. У них покосов не было, все земли принадлежали колхозам.

Бабушка брала меня с собой за ягодами и грибами в сосновый бор, т.н. "Тамодский остров" — ороленную песчаную грядку, со всех сторон окружённую непроходимыми болотами.

Самыми трудными временами я вспоминаю зиму 1941-42 гг. Как мы её пережили — одному Богу известно. Но вот и весна, а с ней и наше спасение — крапива. Но вскоре и за ней надо было ехать за реку. После сильного тепла вдруг резко похолодало. Ветряный сильный ветер, крутые волны

как у малышки железная лопата. Грози
летят на нас и льдинками застигают
на одежде. Нам сносит ветром и волей
обратно к берегу, грозя перевернуть лодку.
Если съедет, там вода течет по лицу
малышки. Губы её шевелятся, но из-за
шума воды и шума ветра слов я не
могу разобрать: молитва ли это, обращен-
ная к Богу, проклятия ли тем, кто сделал
нас несчастными.

«И бьется жемчужка, выкруживая руки,
И слезы катятся в бесилки земли.»

О, Боже праведный, за что же эти муки?
Да где же отец мой? Возят в 37-ом...»

Наша старая корова Майска, оурия-
лась два года назад, видимо, последний раз.
Все педаль тёлочку, но она приехала божка.
Толкая шишета заставила дедушку пойти
на преступление. Скрыв шкуру, он отдал
ей знакомому человеку для выделки, надеясь
что как-то решит проблему семьи с обувью.
В те времена даже со свиной, старые шест
месяцев шкурки надо было сдавать в сельпо.
Каждой семье, державшей корову, дово-
дился план по молоку, и его надо было
сдавать на местный маслозавод. А
какое молоко от старой, да еще и яло-

у которых четверо детей. Поэтому наша Манька была в большом долгу у властей.

Гололю как сейчас. Утро. Кроме бабушки и меня в кате никого нет. Я только вернулась с рыбалки. Бабушка плетит рыбду для обеда.

Вдруг, без стука и разрешения вваливаются три мужика в гёрных кителях и галифре, и тот, кто с портфелем, садится за стол, а двое других по углам.

- Так поголду, бабка, молоко не сдасишь? - грубо обращается к бабушке обладатель гёрного портфеля.

- Мы у тебя сейчас козьясишо опичем. - угрожает он, доставая бумагу.

Бабушка нагикает что-то лепетать про старую, больную корову, про семью из восьми человек, про четверых детей, но галифратий и слушать её не хочет.

Говорит бабушка о труде, звук её ей волнения заплетается - она недавно перенесла паралич.

И тут один, кто сидел в углу, поднимается, подходит к кровати и вытаскивает из-под неё ^{всего-то} котушка.

(H)

— Ну судите... — обречённо, с большими трудом выговаривает бабушка. Волнения и страх окончательно расстроили её речь.

Руки негизают в тёмной пасти портфеля. Захватив котёну, вся тройка направилась к выходу.

— Ты смотри у меня, бабка! — бросаю ей последнюю угрозу старшой, захватывая дверь.

Руки бабушки бессильно падают, плечи её вздрагивают от беззвучных рыданий, горькие слёзы беззастенчивости заливают её морщинистое лицо. А у меня набухшей кровяной плёнкой пульсирует в виске:

— Дарюсеи... дарюсеи... дарюсеи...

— Господи! Если ты на небе — заступись!

В девять лет я научилась косить косой, и мама, она работала слесарем в сельской больнице, взяла меня, как дополнительную рабочую силу, ^{заботавшаяся само} ~~заботавшаяся само~~ для подобной хозяйстве. Впереди неё завок, а я была замыкающим, явно прыгавшая врослами, и кто-нибудь из них, бросив свою загонку, подбегая ко мне помочь догнать косцов.

Вечерами мама брала меня в садик

Один из таких везеров, на 800
~~Мамин братик~~ ~~братик~~ ~~братик~~ ~~братик~~
 режиссёр брезался в мою комнату.
~~Мамин братик~~ ~~братик~~ ~~братик~~ ~~братик~~. Мама шла вне-
 реди, а я - ~~за ней~~ ^{сзади}. Моя коса ударилась
 пяткой о что-то твёрдое, я не удержала
 её в своих детских ручонках и она с раз-
 маху вонзилась своим концом в правую
 ногу маме.

- Ой, Вовочка! - вскрикнула мама,
 бросив косу и зажав рану, из которой
 фонтаном брызнула кровь. Я побежал
 к ней ни живой, ни мёртвой, но она,
 взглянув на моё побледневшее лицо и че-
 твёрдые глаза, улыбнувшись, сказала:
 - Ничего, заживёт.

Подержав ещё несколько минут рану,
 пока не остановилась кровь, она сняла
 с головы косичку, туго перевязала рану
 и мы продолжили косить.

- Отец! Где ты? Почему к ней тебя е
 маме? Почему мы не уведомим твоего
 сельского плеча?

А он давно уже лежал в той страш-
 ной капаишевской яме...

Накануне моего появления, мама с ма-
 мой купили маленький домик рядом
 с оградой капаишевского НКВД, где, по сло-
 вам мамин день и ночь работал экска-
 ватор. За эту ограду и уехали моего

~~Вопиющее преступление, которое мы~~
 тались скрыть палачи, раскрыла нево-
 душая Обь, восстала сама природа,
 показав всему миру истинную суть "борцов"
 за светлое будущее человечества.

Таню арестовали прямо на работе, после
 чего в квартире был обыск. Мамма только
 вернулась с работы, где получила зарплату.
 Григорь домой и положив деньги на подуш-
 ку, стала готовить нам с сестрой
 обед.

Вдруг без стука и разрешения откри-
 лась дверь и вошли трое из НКВД. Пере-
 вернув всё в доме, собрались уходить.
 Но мамма заметила, как один из них
 взял деньги с подушки и пошел в
 карман.

— Что же вы делаете, — обратилась
 мамма к ним — вы забрали мужа и
 отца, как я буду жить с двумя ма-
 ленькими?

Тот, кто забрал деньги, достал их
 из кармана, вынул из папки стору-
 лёвую купюру и бросил на пол.

Господи. Да разве ещё на свете та-
 кие мерки, которыми можно было
 бы измерить горе, свалившееся на ма-
 маму!

Потом в том же доме было еще одно опас-

да уехала из Коммуна к своим родителям в Трушковое Чапекского района. Здесь и прошло мое детство и отрочество.

Шло время. Маме неоднократно посылали запросы, но всегда приходил один и тот же стандартный ответ:

«Судебн на длительный срок без права переписки.»

Моему отцу инкриминировалась связь с польской повстанческой организацией. 58 статья, враг народа.

Маме могла исечь свой крест, до сих пор веря, что отец вернется к нам.

Мы с сестрой учились в Трушковской семилетней школе, выросли, постоянно ощущая на себе пресс "детей врага народа". Все взрослые члены семьи обрядки были отменялись в колхозе, а отлучились даже в соседнюю деревню разрешалось только с ведома колхозника.

Если и слегка что-то нашу судьбу, слаживало, отгоняло мрачными мыслями, так это природа сибирского края, да неуютная тяжда жизнь. Красота сибирской природы, как сапелекней дугар в кожу, злитывались в наше сознание,

да уехала из Коммуна к своим родителям в Трушковое Чапекского района. Здесь и прошло мое детство и отрочество.

Шло время. Маме неоднократно посылали запросы, но всегда приходил один и тот же стандартный ответ:

«Судебн на длительный срок без права переписки.»

Моему отцу инкриминировалась связь с польской повстанческой организацией. 58 статья, враг народа.

Маме могла исечь свой крест, до сих пор веря, что отец вернется к нам.

Мы с сестрой учились в Трушковской семилетней школе, выросли, постоянно ощущая на себе пресс «детей врага народа». Все взрослые члены семьи обряды были отменялись в колхозе, а отлучились даже в соседнюю деревню разрешалось только с ведома колхозника.

Если и слегка что-то нашу судьбу, слаживало, отгоняло мрачными мыслями, так это природа сибирского края, да неуютная тяжда жизнь. Красота сибирской природы, как сапелекней дугар в кожу, злитывались в наше сознание,

В наши сердца, уже такую, звало куда-то
неясное, неосознанное гудело.

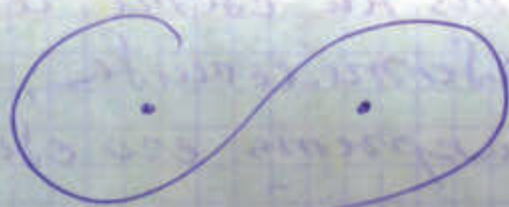
Торжеские пески Кай - до сих пор пом-
нит моё тело ваше тепло. Крутые
сибирские морозы, ослепительно-белые
снега, широкие весенние разливы, лей-
ные утренние туманы, тёплые светлые
ночи, яркие северные звёзды, багряные
закаты и алые рассветы, мощные грозы
и тёплые ливни, пронзительный, щеко-
гущий запах озона. И над всем этим -
Солнце, Солнце и Солнце! Ты уходило
вечером и поднималось утром. Ты дарило
свет и тепло, ты манило и звало, и я
шёл за тобой.

И разже есть на свете тейши, вожеди
тирани, правительсва, которые
смогли бы закрыть его свет, отнять
это Солнце у людей, лишитъ их радости
жизни, лишитъ их веры в светлый ~~про-~~
~~светлый~~ день!

Белый двухпалубный пароход "Семей",
ты, как привидение, появлялся и уходил
в моей жизни! Но однажды, последними
августовскими днями, последними днями
моего пребывания на гаицкой земле,
ты навсегда увёз меня из того времени,
в которое я уже никогда, никогда не

Тоя! Сколько ветви я в вашей тайной,
 как гай, вуды, припадаю горячим че-
 тали к прокладным струям! Сколько
 раз эти струи какали мое тело в жар-
 кой полене!

Я буду верно помнить вас, серебря-
 ные тальники, дальние муга, подёрну-
 тые туманом, с криглицем дергалом
 в густой росной траве, с перепёлка-
 ми в цветущих ~~лесках~~ ^{лесках}, голубые гла-
 за больших и малых оёр, с отражён-
 ными в них белыми облаками, наш
 родительский домик на берегу Тоя,
 звезду над бакеюм, посылающую ми
 муги из сурового детства.

26.06.05.

Э. Л. Хоффман